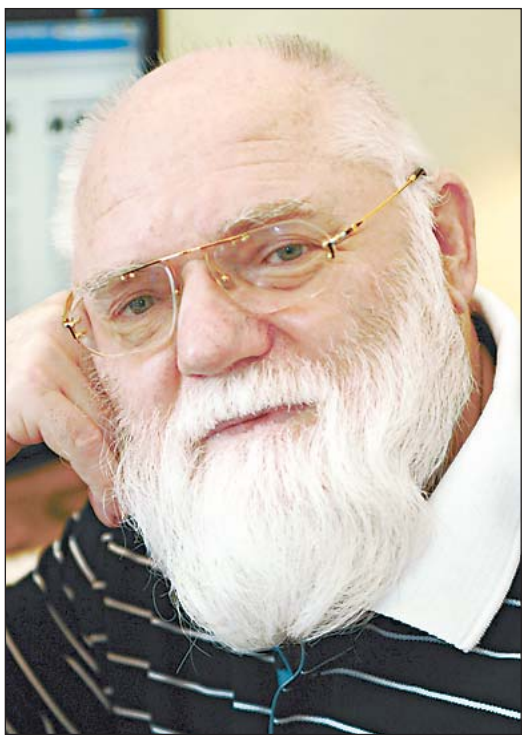

Виктор Трифионович Слипенчук, известный советский и российский писатель, давно и плодотворно сотрудничает с еженедельником «Аргументы недели». Рассказы, поэмы и отрывки его повестей и романов регулярно публикуются на наших страницах. Волны изданных произведений писателя достигли Западной Европы, Китая, Японии, Монголии и других стран, где интерес к его творчеству постоянно растёт.

Виктор Слипенчук

ПОЧЕМУ и в институтском общежитии, и в квартире Бушиных я не тронул тебя?.. Это странно, но с первого мгновения нашей встречи почувствовал — ты моя, моя полностью, без остатка. И если скажу, что мне этого было достаточно, то, видит Бог, не погрешу против истины. Я полюбил тебя сразу так, что ты стала частью меня, ты была во мне. Более того, сама мысль о совокуплении вызвала у меня отвращение. Это была какая-то невидимая черта, которую не мог переступить, потому что она проходила прямо по сердцу души. Не знаю, есть ли у души сердце, но знаю точно, что тогда мне легче было умереть за тебя, и доведись — умер бы с чувством полнейшего счастья.

Всё, о чём говорю, отгораживает меня от реальной жизни некоей красотой. Но красоты не было. Не знаю, почему не умер. Я прожил с тобою целую жизнь (у нас дети, внуки) и теперь, путешествуя во времени, думаю о тебе как о лучшей части самого себя. Увы, ничего не вернёшь и не поправишь. И главное, даже самому не объяснишь, почему у нас с тобою никогда не было секса в том смысле, в котором современная жизнь интересуется *оттенками серого*.

— Ты не прав. Поверь на слово — есть сердце души. Я всегда слышала биение твоего сердца так же отчётливо, как своего. Ты находишься где-то в армии, в морях на краю света, а я слышу.

Ты говоришь — увы, ничего не вернёшь, не поправишь и не объяснишь! Ничего и не надо возвращать, поправлять и тем более объяснять. Я думаю, как говорил апостол Павел, «языки умолкнут, и знание упразднится». Любовь, во всех своих проявлениях, если она есть, — это истинный горный свет. В истинном свете исчезают *оттенки серого*. Да они и появляются в жизни от недостатка любви, своеобразные тени пластмассовых заменителей. Все эти раскручиваемые звёзды никого не освещают, кроме них самих.

Ты мог бы не объяснять, почему не трогал меня. Я многое знала по чувству сердца, потому что и ты — был и есть во мне, как и я в тебе. И всё же я благодарна за признание. Однажды ты сказал, что никогда не наскучивает узнавание верности любимого человека. Всякий раз в ответ сердце проливается теплом. И я — не исключение.

Когда говорят о физической близости, зачастую используют слово *это*. Воспользуюсь.

Это случилось за день до твоего отъезда. На следующий день вечером ты уезжал в Омск, в институт. Все дни и ночи мы дышали друг другом. И мне нашего общего дыхания тоже было

вполне достаточно. Я была слышана, что у тебя были женщины, и не только студенческий врач, и, дыша тобою, чувствовала, что всё — враньё. То есть я тогда ничего не знала о любви. О том, что она смиряет любя-

что ты оправдываешься.

— Это почему? Неужто потому, что в первую ночь я лежала, как бревно?

— Ну зачем так грубо?!

— Затем, что Пушкин, у которого родная жена Наталья Гон-

В ОДНОМ

Рассказ

сказали, альфа-самцом. Наталья любила его истинной любовью, поэтому, только поэтому страсть ей была чужда. Настоящая любовь всякий раз обновляет и обессиливает любящего. Об Аксинье даже думать не хочу.

— Гал, а ты подумай, она у многих женщин находит положительный отклик, а Наталья вызывает лишь сочувствие. Мне кажется,

что ты оправдываешься.

— Это почему? Неужто потому, что в первую ночь я лежала, как бревно?

— Ну зачем так грубо?!

— Затем, что Пушкин, у которого родная жена Наталья Гон-

ского КВН, я потерял на балконе «студенческой врачихи». Её улыбка излучала весёлое ехидство, которое в своей искренности было просто обворожительным.

— Ты знаешь, у вас действительно много общего, а учитывая, что ты уже прожил много больше его, то твой «список...» сегодня, наверное, о-го-го!

— Хватит ёрничать!

— Я не ёрничая. Ты про шолоховскую Аксинью не случайно вспомнил. Только, пожалуйста, имей в виду, что в отличие от Аксиньи перед встречей с тобой у меня не было её Степана Астахова. Старшие сёстры почти не разговаривали на *эту* тему. А если случалось, всегда заканчивали разговор тем, что главное — сберечь себя. *А это самое* — само собой происходит. Вот я лежала и ждала, когда *это произойдёт*. А ты осторожно то подвинешь-

— Я думал, зачем сказал — раздевайся?! У меня всё равно ничего не получится. Какой-то позорный наглядный урок первой ночи, в которой до мельчайших подробностей всё было сделано не так. Своего рода антиинструкция. Мне даже сейчас стыдно.

— Тебе надо было погладить меня, поцеловать мои сосцы, прижаться ко мне.

— Ты что, смеёшься?!

— Да, смеюсь, но не над тобой, а над собой. Наверное, нужно было всё-таки погладить тебя — помочь...

— Ты вела себя абсолютно правильно. Если бы ты погладила, я бы решил, что ты уже с кем-то была, и снял бы с себя ответственность и опустошил сердце.

— А как же девственная кровь?!

— Галка, ну что ты говоришь?! Девственной кровью женщина

шего человека, лишает его мужских сил не потому, что их нет, а потому что *любовь* заполняет все извилины и все пространства и заглушает страсть. Я верю в платоническую *любовь*.

Впрочем, это сейчас я такая умная, а тогда мой разум работал против меня. Обычно женщины, когда вспоминают свою первую ночь, находят много смешного. А мне не смешно. Любовь у всех настолько своя, неповторимая, что всякие подсказки ей бесполезны. Пожалуй, не думай, что я в то время ничего не читала и не видела фильмов о любви. Читала, видела, а в фильме Герасимова «Тихий Дон» у меня вызвала сочувствие только Наталья, а Григорий Мелехов был и остаётся для меня, как сейчас бы

чарова была сто тринадцатой, когда полюбил её по-настоящему, превратился в ревнивого мальчика. И «список донжуана» не помог. Погиб на дуэли, защищая честь жены.

— Вот именно.

— Что «вот именно»?! — Она с удивлённой радостью воззрилась, но не на меня, а на «мой хрустальный туфель», который вдруг отыскался на балконе. — А, понятно — ты скромно сравниваешь себя с гением русской литературы!

— Никого и ничего не сравниваю!

— В таком случае отодвинем литературу.

Она не хотела расставаться с «хрустальной туфлей», которую, по преданию институт-

ся, уткнёшься в плечо, то отодвинешься. Глубоко вздохнёшь и ляжешь на спину — и затихнешь, будто тебя нет.

— Тебе надо было погладить меня, прижаться ко мне.

— Ты что говоришь?! Мы погасили свет, и ты сказал — *полностью раздевайся*. И пока глаза не привыкли к темноте, я быстро разделась и с торца дивана-кровать нырнула на самый край, к стенке, и укрылась пододеяльником.

Ты какое-то время посидел на кровати, а потом тоже разделся и быстро лёг рядом, но даже не коснулся меня. Впрочем, я была благодарна, что не коснулся, потому что видела — ты тоже лёг голым. Интересно, о чём ты думал, когда сидел?

может обмануть, а вот поведением — никогда. Вспомни, во второй раз ты была уже другая. Особенно в третий...

— А мне кажется наоборот.

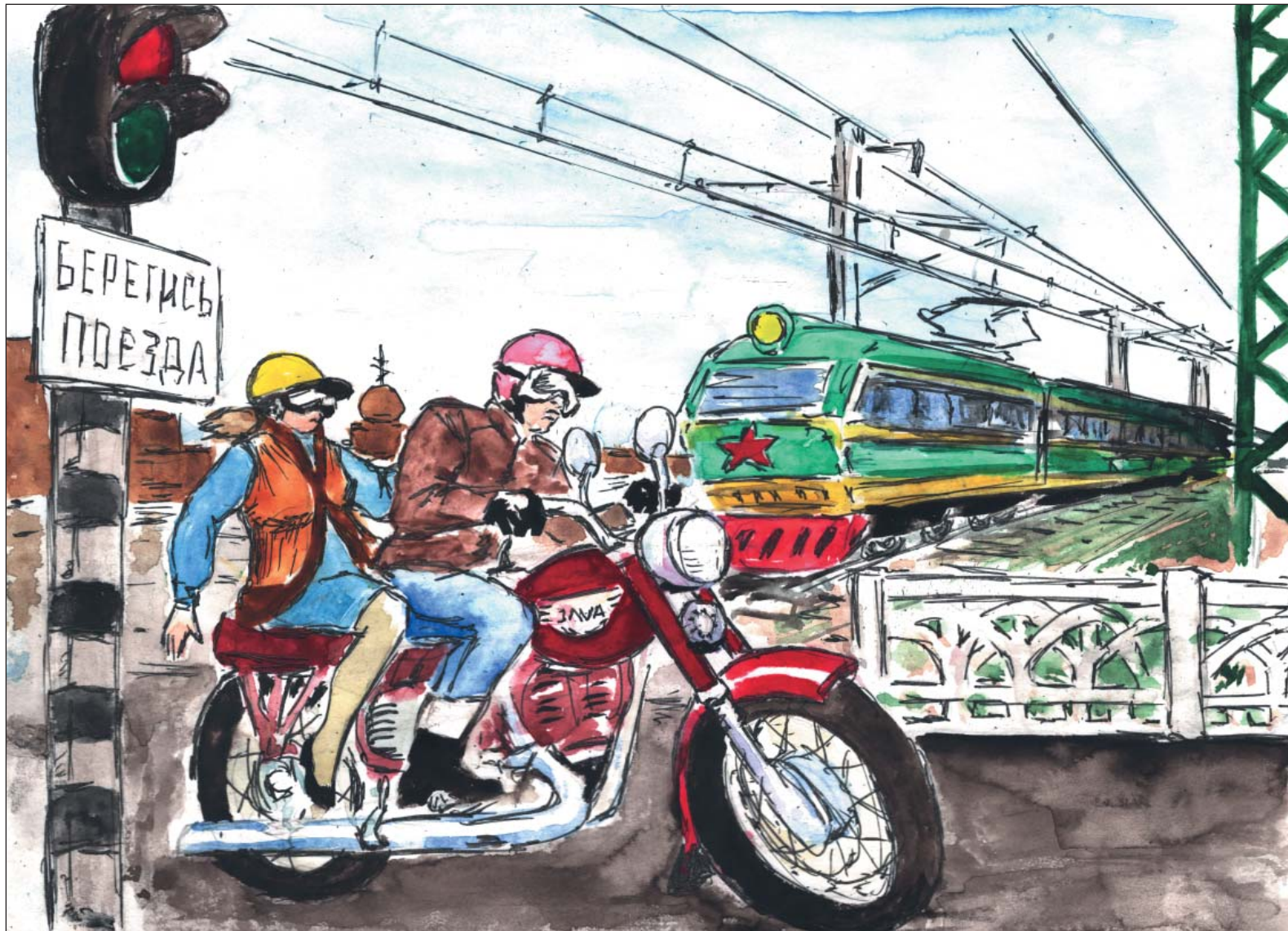
— Когда кажется — надо креститься!

— Что ты злишься, я и так всю ночь молилась. Всеми молитвами, что знала, помогала тебе. Я считала себя уже пропащей.

— «Помогала»... «Пропащей»? Не заметил. Я лежал, повернувшись к тебе, и думал, как мне обмануть самого себя. Стал представлять, что ты — это не ты, а какая-то другая женщина, за которую я не несу никакой ответственности.

— Какие высокие мысли! Наверное, представлял себя в хрустальных туфлях?

ДЫХАНИИ

— Ты очень-очень долго лежала напряжённая как струна. Наконец расслабилась, и я подумал — наверное, это уже не ты. Погладил тебя, осторожно поцеловал одну грудь, другую — да, это не ты! Почувствовал уверенность, рука какой-то своей памятью скользнула на бедро, я был готов, и вдруг — точно молния прошла по тебе. Тело опять — в струнку. Ноги вместе — замок. Я съехал. Нет, это — ты, тебя ни с кем не спутаешь.

— Ты съехал и очень быстро уснул. А я лежала и думала — неужели всё произошло?! Странно, очень странно! Я так перенервничала, что отключилась. Но только ты снова коснулась, сразу очнулась — если всё уже произошло, надо вести себя как-то по-другому. Я чуть-чуть придвинулась, чтобы тебе было удобней, но притворилась, что как будто это во сне.

— И не думай, что тебе удалось обмануть меня. Я положил руку на бедро, как и в первый раз, и только тогда ты чуть-чуть придвинулась. «Замка» не было, и я распенил, что ты разрешаешь.

— Ничего не разрешала, просто подумала — делай что хочешь, всё равно я пропащая. А у тебя ничего не получалось, и я подумала, что если бы ты был не ты, то спихнула бы тебя и убежала.

— Тебе надо было помочь мне.

— Ну как я могла помочь?! Завтра уедешь, и кто я тебе? Скроешься и забудешь, а я останусь одна. Это сейчас легко рассуждать. А тогда голова шла кругом — делай что хочешь! А у тебя — всё мимо и мимо. Потом мне показалось, что ты захватил какую-то волосинку и потя-

нул её мне внутрь, и она лопнула. Ты не обращал на меня никакого внимания, мне казалось, что ты топчешься по мне ногами. Потом схватил зубами край подушки и застонал — больно! Тебя било как в лихорадке и мне стало жалко тебя. Я обхватила тебя двумя руками и крепко прижала к груди, чтобы унять твою дрожь. Я не отпускала тебя, потому что боялась, что тебя снова начнёт трясти.

— Хорошо помню.

— Помнишь?! Ты был как опьяневший. Лёг рядом и тут же уснул. И я, чтобы уже не думать ни о чём, уткнулась лбом в твоё плечо и тоже уснула.

— Мы проснулись вместе. И на этот раз всё получилось гораздо лучше, потому что ты мне помогала.

— Я потому помогала, что не хотела, чтобы ты от боли кусал подушку и тебя трясло. Я держала тебя в объятиях очень крепко, но это не помогло. Ты опять кусал подушку, и от боли тебя трясло. И в какой-то момент тебя уже не трясло, а я не отпускала. Я вдруг поняла, что мне приятно чувствовать тебя всем своим телом.

Ты снова уснул. Поразительно, ты словно проваливался в сон. А мы за всё время и граммочки не выпили. Ты так много читал стихов: Пушкина, Лермонтова, Есенина, Рубцова, Пастернака, Надсона, Евтушенко, Вознесенского, Роберта Рождественского, Новеллу Матвееву — поразительно!..

— Я здесь ни при чём, такой организм — уводил от стресса. Мы дышали поэзией, чистым кислородом, а чистым кислородом всё время дышать нельзя. Поэтому без вина пьянели.

— Ты уснул, а я не смогла. За окном уже рассвело, всё было разбросано. Ты лежал ничком в полный рост, и я впервые видела тебя обнажённым. Волосатые люди всегда были мне неприятны, но ты показался мне очень необычным. Раньше я не знала, что ты весь, буквально весь волосатый. На голове волосы тёмно-русые и на кончиках чуть-чуть золотистые, а на спине тёмные с блеском и по рисунку, словно очертания сложенных крыльев — мой ангел.

Я приподнялась на постели и увидела на смятой простыне засохшие пятна крови. Мне стало жалко себя — кому я теперь буду нужна? И я заплакала, и ты сразу проснулся. «Ты что — плачешь?!» — «Кому я теперь буду нужна!» — «А тебе и не надо быть кому-то нужной, у тебя есть я».

Ты привлек меня к себе и поцеловал в губы. Понимая, что всё равно пропащая, я решила на этот раз преподнести себя всю, какая есть. Теперь моя душа искала слияния, а тело отставало. Стыд был на мне, как пути, и я отбросила стыд. И тело отозвалось. На этот раз я даже не пыталась помогать, я искала тебя сама.

— Я помню твоё внезапное преображение. Ты словно вызвала меня на дуэль. Подсознательно, меня задело — *ух ты, главный инженер?! Она думает — перед нею студент!* И я рванулся к тебе — «И мы, сплетаясь, как пара змей, / Обнявшись крепче двух друзей, / Упали разом, и во мгле / Бой продолжался на земле».

— Ты сказал: «Галка, какая ты красивая», — и попросил не закрывать глаза. Ты хотел ме-

ня всю, и я хотела. И нас обоих трясло, и я себя ещё такой не знала, и мне стало страшно, и я убежала в ванную и там зарыдала навзрыд. Я поняла, что, если ты меня бросишь, у меня не будет настоящей жизни. Я наперёд знала, что настоящая моя жизнь только с тобой. Я чувствовала необходимость угодить тебе и боялась промахнуться.

Опясавшись простынёй, ты зашёл в ванную.

— Я зашёл в ванную, а ты сидишь и плачешь. Я спросил: «В краях есть вода?» — «Только холодная». Ты засуетилась: «Сейчас в чайнике нагрею».

— Ты засмеялся, и я поняла, что промахнулась. И всё же пошла ставить чайник. Я услышала, ты принимаешь холодный душ, и как-то очень остро почувствовала, что не знаю, как себя вести. Кто я теперь тебе?!

— Я знал, что ты на кухне плачешь. Мне было жалко тебя, но после холодного душа всё моё тело звенело, но не от душа, а от какой-то глубокой-глубокой радости. Даже не радости, а удовлетворения — я победил себя, я *сделал это*.

А в окнах уже был день. И я пошёл и опять упал на кровать — и очень-очень легко уснул. Потому что разобрался с собой, и ты нужна была для другой, новой жизни, в которой невозможно всего предусмотреть, но главное известно — ты не станешь переживать кислород. А я?! Что я? Я любил и люблю тебя, как и прежде.

— Когда ты вышел из ванной, я заволновалась, что ты заглянешь на кухню и я что-нибудь сделаю не так, промахнусь. Я никогда не была такой трусли-

вой. Ты не заглянул, и я подумала — ты ничего не делаешь, что напрягало бы меня. И мне стало обидно, что я такая, полная страхов, которые мне самой не нравятся. И с ними вряд ли поправлюсь тебе.

Я вспоминала все свои страхи, которые пришли вместе с тобой, и пришла к выводу, что они не исчезают, а всего лишь преобразуются, словно электрический ток: переменный — постоянный и наоборот. Например, в сельхозобществе — опасалась, что тронешь. А когда не тронул, тут же возникли необъяснимые опасения — почему не тронул? Сейчас, когда опасения развеялись, пришла новая боязнь — кто я теперь, что меня ждёт?! Одно нанизывалось на другое, чувствовала, что я себе в тягость, а тебе зачем? Уедешь в институт и с другими «студенческими врачами» позабудешь меня. Мне как никогда хотелось тебе понравиться, и я не знала как! Терялась в обступивших со всех сторон страхах.

Чайник уже стал остывать — поплелась с ним в ванную. Холодный душ взбудрил, и я сразу же испугалась — вдруг ты меня ждёшь?! Быстро привела себя в порядок, надела новое бельё, юбку и, конечно же, розоватую шерстяную фуфайку, в которой нравилась тебе.

В общем, на автомате вырядилась, словно собралась в театр. Тихонько заглянула в комнату, беспорядок полнейший — ты спишь на спине, на пододеяльнике, матрас валяется на полу. Я тихо присела возле тебя, и мне стало так обидно, что вновь промахнулась — незнаемо зачем и куда вырядилась! Ты проснёшься, и что я тебе скажу?

Ты проснулся и привлек меня к себе.

— Я привлек, потому что слёзы у тебя кагилась градом.

— Ты спросил: «Который час?» Я не смогла ответить. Тогда ты концом пододеяльника вытер мне лицо и сказал: «Без десяти десять, боже мой, как летит время!» И я сразу представила, что вечером тебя уже не будет, ты уедешь, и снова зарыдалась.

— Ты зарыдалась просто неостановимо. Ты была вся в слезах, я несколько раз помогал тебе высморкаться. Жалкая, с красным хлюпающим носом ты была мне дорога как никогда. Прижимая к груди, я не знал, как тебя утешить. Наконец меня осенило.

— «О, ты уже одета!» — обрадовался ты. И мне тоже стало радостно, потому что я, оказывается, не промахнулась и обрадовала тебя.

— Ты меня обрадовала, потому что была суббота, а тогда в субботу многие учреждения работали до часу дня.

— Ты приказал: «Сейчас основательно приведи себя в порядок и не забудь припудрить нос, а я оденусь. И мы поедем в ЗАГС и зарегистрируемся, что мы — муж и жена, но при одном условии — потом объясню. Согласна?!»

В ОДНОМ ДЫХАНИИ

Рассказ

Окончание.
Начало на с. 16–17

ТЫ КИВНУЛА и посмотрела с таким испугом и отрешённостью, словно разверзлась земля.

— «Галочка, поторопись, — попросил ты. — Сегодня суббота, надо успеть! Потребуется паспорта». Слово «паспорта» вернуло меня в реальность. Я пришла в себя, схватила сумочку и почувствовала, что моё тело обгоняет меня, я не успеваю за своим телом. Всё побежало мне навстречу, но я тысячу раз успела обрадоваться, что оделась загодя, не промахнулась. И всё-таки ты обогнал меня. Помогая надеть пальто, сказал: «Будь готова, что не успеем». А тебе в понедельник (кровь из носа), нужно быть в институте, сдать производственную практику, иначе не допустят к госэкзаменам.

— «Мы успеем!» — сказала ты, причём так уверенно, как будто знала, что успеем.

— Ничего не знала, сам факт, что мы собираемся в ЗАГС, давал необъятную свободу мыслям — теперь смогу сказать и маме, и сёстрам, что мы бежали, но не успели. И не зная, знала, что они посоветуют — ждать и надеяться. И я бы ждала и надеялась открыто, понимаешь, открыто?!

— Как много мыслей клубилось в твоей голове!

— Их было так много, что я их не додумывала, потому что тело торопило, не давало сосредоточиться. И мы сломя голову побежали.

— Мы натурально бежали бегом, и нас воспринимали как бегущих на пожар. На переезде я спросил у встречного мужика: «Пожалуйста, подскажи: где находится Рубцовский ЗАГС?» И он, словно ждал вопроса, сообщил, что напротив банка, и посоветовал возле ДК АТЗ сесть на автобус «в центр». Вслед нам он искренне посочувствовал: «Ты смотри, горе какое?!» Мы тогда не знали, что в ЗАГСе производят регистрацию не только брака, но и смерти.

Кстати, ты помнишь этот мощный досками переезд без шлагбаума?

— Прекрасно помню! Я была на шестом месяце беременности, мы мчались на мотоцикле, и тут откуда ни возьмись алмаатинский поезд. Мы перескочили полотно, и ты чуть-чуть прибавил газу. Я оторвалась от седла, и ты поймал меня на лету и усадил на место.

— Я бы не справился, но, к счастью, порвалась цепь, мотоцикл занесло вправо, и он застыл как вкопанный. Мне нужно было только поймать тебя, остальное сделала инерция.

— В шуме поезда осторожно сползла с мотоцикла, и ты положил его набок. На тебе лица не было.

— На мне лица не было, потому что, порвись цепь чуть раньше, от нас бы ничего не осталось. Ты, наверное, не успела понять, что произошло? Не успела испугаться?

— Ничего подобного, я сразу всё поняла и не испугалась, потому что мы бы погибли вместе. Пожалуйста, забудь о переезде, давай побегим дальше, я очень хочу успеть в ЗАГС.

— Нам очень везло — автобусные двери закрылись буквально за нами. В ЗАГСе тоже — нас пропустили без очереди.

— Нас пропустили, потому что женщина, сидящая за письменным столом, спросила: «Молодые люди, что хотите зарегистрировать?» А ты: «Извините, не понял вопроса?» Тогда вмешался впереди стоявший мужчина в шляпе: «Вас спрашивают: что хотите зарегистрировать — «жмурика» или брак?» Ты опешил, а женщина пристыдила мужчину, что он выпивши, и, взяв наши паспорта, направила в банк за маркой для брака — «если не успеете, паспорта заберёте в понедельник».

— Удивительно, как подробно ты всё запомнила?! А у меня остался в памяти лишь этот мужчина, недовольно буркнувший: «Не от счастья пью, а с горя». И ещё кассирша в банке, спросившая: «Мамка-то хоть знает, что ты женишься?»

— Хорошо помню, она испортила тебе настроение. Ты так сильно расстроился, что до самого вечера был молчалив и грустен. Я предложила позвать Востриковых и Бушиных, чтобы выпить немножко вина, у нас была бутылка «Букета Молдавии». Ты спросил: «С какой стати?» Не зная, что ответить, упала духом, готова была разреваться. И тогда ты сказал: «Помнишь, перед ЗАГСом был разговор, что есть одно условие?..» — «Очень хорошо помню».

Ты замялся, казалось, тебя мучает — говорить или не говорить?! Весь день преследуемая

страхами, я подумала, что ты не решаешься открывать какую-то запретную тайну, после которой всё, что произошло между нами, может превратиться в прах.

Ты писал стихи на подоконнике и почему-то отвернулся от меня, стал смотреть в окно. Я невольно присела на кровать.

— Ты присела и сказала: «Если не хочешь говорить — не говори, когда-нибудь потом скажешь».

— Я так сказала, потому что подумала, что ты скажешь, что уже женат.

— О господи, какая несусветная глупость, и придёт же такое в голову — после брачной ночи и, главное, после ЗАГСа!

— А ты помнишь, что говорил и как говорил, когда я сказала: «Если не хочешь — потом скажешь»? В ответ ты так долго и потерянно смотрел в окно, притом так кивал головой, будто сам убеждался в ужасе своей тайны. Наконец выдал: «Если не скажу и окольными путями узнают, что мы с тобой расписались, то будет ещё хуже. В общем, хочу попросить тебя, чтобы ты никому не рассказывала, что мы — муж и жена».

Ты не представляешь, что я испытала после этих слов?! Всё самое худшее, что могла представить, явилось воображению. Словно молния, сверкнула догадка — *он не только женат, у него уже есть ребёнок*.

— «Давай рассказывай», — сказала ты и так убито уставилась в пол, что до меня вдруг дошло, что своим рассказом могу очень сильно обидеть тебя...

«Понимаешь, я в семье самый младший, а мой средний брат, он старше меня на три года, он твой одноклассник, и он ещё не женат. Мне как-то не по себе, что опередил его в женитьбе. Я из крестьянской семьи, и у

нас принято всё делать по старшинству. Такой негласный порядок.

Может быть, подождём, он женится, тогда и расскажем? И даже, если захотим, устроим свадьбу. У моего самого старшего брата была свадьба, когда его жена была в положении и её положение уже невозможно было скрывать. И мы так же сделаем».

«Это всё?!» — спросила ты, причём с такой строгостью, словно была не женой, а главным инженером.

— Ты сказал: «Всё!» И стал оправдываться, хотя я ни в чём не упрекала. Я вспомнила, что и я в семье самая младшая. И моя сестра Аня, которая старше меня на три года, тоже ещё не замужем.

Я очень-очень глубоко поняла тебя. Груз ужасной тайны, давивший меня, переменялся и даже придал уверенности. Неожиданно мелькнула успокоительная мысль — *мы с тобой одного поля ягодки*. И ещё подумала: ты, наверное, тоже не знаешь — кто ты для меня сейчас, и как и я, промахиваешься. Но я не замечаю промашек, потому что занята собою. Пришло понимание, что твоё условие имело смысл до ЗАГСа, а теперь это не условие — это что-то другое. И я решила, что пришло время и мне огоршить тебя.

— В таком случае, сказала ты, и у тебя есть условие: никому ничего из твоих родственников рассказывать не будешь, как и обещала, но своей маме и сёстрам, живущим в Таре, расскажешь.

— «Зачем?!» — удивился ты. «Затем!» — сказала я. — Тебе объяснить сразу или потом?»

Ты опять уставился в окно. Я видела, что ты растерян. Не знаешь, как себя вести. В этот

момент мне хотелось подбежать к тебе, повиснуть на шее, утешить — всё хорошо, всё в порядке. Но я сидела как каменная. Впереди приоткрылась новая жизнь, в которую мы входили неподготовленными, и, кроме любви, у нас ничего не было.

«Хорошо, объясни, почему надо рассказать маме и сёстрам?» — «Потому что, возможно, я уже забеременела. Ты уедешь — и всё! А мама и сёстры не бросят, помогут — одна не справлюсь».

Ты весь ушёл в окно, стала опасаться, хоть бы стекло не выдало. Вдруг спросил: «Сегодня какое число?..» — Под впечатлением каких-то своих мыслей, которые, как и я, ты не успевал обдумывать, оторвался от окна. — Надо, чтобы в Рубцовске тоже все узнали, что ты заму-

жем, чтобы не приставали».

Пояснил и вновь быстро повернулся к окну. Я уловила, что ты понял, что промахнулся. Ты не представляешь, как в эту минуту ты был дорог мне! «Нет-нет, «одного поля ягодки» — не про нас. Мы — одно весеннее поле, — подумала я. — И жизнь прожить — не поле перейти».

Потом ты сказал: «Повтори — что ты хочешь?» — «Я хочу рассказать маме, своим старшим сёстрам и здесь на гормолазаводе директору Масякиной, что мы — муж и жена. Твоим родственникам ты расскажешь сам, когда поймёшь, что уже всё равно ничего не скроешь».

Ты опять долго молчал, потом спросил: «Это твоё принципиальное условие?» Ты словно бы мысленно искал какую-то выгодную сторону, о которой что-то слышал, но не понимал выгоды...

— «Да — это моё принципиальное условие!» — сказала ты с такой силой, что я почувствовал, что с этого дня я должен буду считаться с тобой не только потому, что люблю, а потому что мы — одно, мы — муж и жена.

— «Хорошо, согласен», — сказал ты и предложил открыть «Букет Молдавии» и немножко выпить за наш день, за 2 марта 1963 года. И мы немножко выпили и одетыми легли на кровать и, уткнувшись лбами, уснули.

Мы снова дышали друг другом, словно никакой первой ночи никогда не было. Потом внезапно разом проснулись очень довольные друг другом.

Виктор СЛИПЕНЧУК,
02.10.2019
г. Москва

Официальный сайт писателя
www.slipenchuk.ru
Рисунки Александра ДАНИЛКИНА